

Groslier B.Ph. Mélanges sur l'archéologie du Cambodge (1949–1986) / Textes réunis et présentés par Jacques Dumarçay. Réimpression de l'École Française d'Extrême-Orient. № 10. Paris, 1998.

Институт востоковедения РАН,
Москва

Higham Ch. The Civilization of Angkor. Berkeley, Los Angeles, 2001.

Van Liere W.J. Traditional Water Management in the Lower Mekong Basin // World Archaeol. 1980. V. 11.

A.O. Захаров

GERMANIA – SARMATIA. ДРЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ РИМСКОГО ВЛИЯНИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ. Сборник материалов. Калининград: Янтарный сказ, 2008. 237 с., илл. 500 экз.

Выход в свет рецензируемого “сборника материалов” (такое обозначение типа издания в его титуле) является важной вехой в процессе археологического изучения древностей Центральной и Восточной Европы. Трогательны слова “Археологам Восточной Пруссии посвящается”, помещенные на первой странице сборника под его эмблемой. Приятно то, что они почти полностью повторяют эпиграф моей книги, изданной в 2004 г.: “Юбилею Кёнигсберга и памяти всех прусских археологов посвящается” (Кулаков, 2004. С. 7).

Впервые за все послевоенные годы в Калининграде появилась книга, на страницах которой ученые, студенты и краеведы могут ознакомиться с новейшими достижениями археологии. Более того, судя по надписи на шмуцтитуле, издание данного сборника выполнено в рамках научной деятельности Калининградского Областного историко-художественного музея (далее КОИХМ). Это придает рецензируемой книге еще больше авторитетности. Правда, при ближайшем рассмотрении ситуация выглядит несколько менее оптимистично.

Неясно, кто назначил О.А. Радюша и К.Н. Скворцова, не имеющих ни научного, ни редакторского опыта, “ответственными за издание”. К сожалению, даже некоторые члены редакционного совета этого издания не были ознакомлены с его текстом и/или не принимали участия в редакционной работе. Похоже на то, что упомянутые два “ответственных” лица (сотрудники Института археологии РАН и КОИХМ) издали сборник по своей частной инициативе.

Вопросы вызывают титул сборника и его тематическая направленность. Название калининградского “сборника материалов” близко титулу изданного четыре года тому назад Анджеем Коковским тома “Sarmaci i Germanie”. Цель этого издания, осуществленного в рамках научной деятельности Института археологии Университета им. Кюри-Скловской (Люблин, Польша), отраженная в его титуле, объясняется его издателем необходимостью выявления связей между кочевым сарматским миром и обитателями Barbaricum. К решению этой проблемы польских коллег подталкивает рост числа находок сарматского происхождения, поступающих из раскопок на территории современной Польши (Kokowski, 2004. S. 9).

Тематика люблинского сборника емко и точно отражена в его титуле. Напротив, из названия рецензируемой книги неясны задачи, поставленные перед ней издателями. Ведь никаких сарматских находок в Балтии не было обнаружено, научный повод для публикации калининградского сборника отсутствует.

Если в “Предисловии” А.В. Симоненко издание называется просто “сборником” (с. 9), то в написанном В. Новаковским по-немецки “Кратком предисловии к современному читателю” рецензируемое издание именуется “новая калининградская серия (научных) записок” (нем. *neue kaliningrader Schriftenreihe*), ее первым томом (с. 8).

Кстати, неожиданно для опытного специалиста А.В. Симоненко делает вывод о том, что эта территория “...находится

на границе Сарматии и Германии” (с. 6). Конечно, отдельные античные авторы обозначали часть Балтии как “Sarmatia”, но сарматские древности, которым нашлось место в сборнике, находятся отсюда на “дистанции огромного размера”.

Авторы двух версий введения к сборнику по-разному видят перспективный состав его авторов. Украинский археолог “сарматский блок”, сформированный из статей (а не “книг”, с. 6) своих земляков, ставит в сборнике на первое место. Его варшавский коллега, напротив, считает, что серия таких сборников станет международным форумом, на котором “археологи стран, прилегающих к Балтийскому морю, покажут результаты своих исследований...” (с. 8). При чем тут сарматы и украинские исследователи их древностей? По В. Новаковскому, в “первом томе” серии представлена зона между южным Ютландом и Подоньем, куда входит расположенная к востоку от Р. Вислы птолемеева Sarmatia Eurotaea. Посмотрим, как отражена археология этой зоны в статьях сборника.

“Сарматский блок” статей следующий.

Статья Синицы Евгения Валентиновича (в немецком резюме почему-то поименован “Sinitsina”, с. 23) “Сарматское погребение из Хутора Хмильна в контексте сарматско-зарубинецких отношений” (с. 9–21). В начале своей работы автор отмечает: “Данная статья имеет своей целью полную публикацию комплекса” (с. 9). Правда, она невозможна, ибо данное погребение, обнаруженное в 2001 г. на окраине хутора Хмильна (Черкасская область Украины), разрушено. Ввиду этого подробному описанию не подверглись находившиеся в могиле краснолаковый сосуд, железный предмет, костный материал – остатки жертвенной пищи (?). Лексика автора своеобразна (“зеркальце”, с. 10, “посудинка”, с. 11). Наличие в погребении лепной чернолощеной миски (весьма упрощенное ее изображение на рис. 3 не позволяет составить правильное впечатление о данной находке), трактуемой автором как сосуд, объединяющий “черты вариантов 2 и 4 типа II зарубинецких мисок, по Е.В. Максимуму” (с. 11), дает ему повод пуститься в длительные (с. 15–19) рассуждения о взаимоотношениях (по тексту статьи весьма запутанных) между носителями зарубинецкой культуры и сарматами. Оставляем их на совести автора. К сожалению, статья, сопровождаемая крайне примитивными (чертеж погребения на рис. 2 просто удивляет своей предельной упрощенностью) и неинформативными иллюстрациями, так и не выполнила своей публикационной задачи. Зарубинецкая миска, найденная в разрушенной сарматской могиле, не может стать поводом для рассуждений и широких обобщений по вопросу межплеменных отношений на широких пространствах Восточной Европы. Немецкое резюме данной статьи, как, впрочем, любые представленные в сборнике строки на этом языке, изобилует ошибками. Очевидно слабое знание немецкого языка редактором (в книге не указан) и корректором текста сборника.

Следующая статья данного “блока” “Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная (хронологический аспект)” принадлежит перу А.А. Васильева и О.К. Савельева (с. 29–43). На с. 30 авторы справедливо указывают на несоответствие между хронологическими шкалами позднесарматских и черняховских древностей шкале Отто Тишлера (забыт авторами) – Эггерса – Годловского. Введенная недавно в научный оборот более дробная хронология крымских древностей III в. н.э. принята авторами статьи и обосновывается в ее тексте на основании материалов Причерноморья эпохи Готских войн. Вывод авторов скромнен: “Мы лишь ограничиваемся констатацией того, что верхняя дата рассмотренных памятников (к сожалению, не по комплексам, а по отдельным, выбранным вне археологического контекста находкам. – *К.В.*) должна быть омоложена на несколько десятилетий” (с. 36). Качественно выполненные иллюстрации (рис. 1, 2) неплохо дополняют хронологические построения авторов. Заметной особенностью данной статьи является отсутствие в сносках номера страницы цитируемой работы. Разумеется, это не способствует адекватной работе читателя с текстом статьи и понижает ответственность ее авторов за точность сносок.

Далее, уже в “черняховском блоке” следует статья М.В. Любичева «Киево-черняховские контакты ступеней С1b–С2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения “горизонта Боромля”» (с. 44–67). Автор приводит графикацию контактов носителей киевской и черняховской культур в рамках III–V вв. н.э., показывая вещевые хроноиндикаторы для каждого из трех этапов контактов (с. 44, 45). На основе публикации материалов новейших раскопок ряда поселений и могильников в Харьковской области Украины (Войтенки-1, Головино) автор дискутирует с А.М. Обломским и уточняет культурную принадлежность ряда памятников археологии римского времени в днепро-донецкой лесостепи. Выясняется отсутствие киево-черняховских контактов в данном регионе ввиду отсутствия здесь памятников этих культур (с. 52). Исчерпывающе иллюстрированная, статья М.В. Любичева производит вполне позитивное впечатление.

Мызгин К.В. в своей статье “Некоторые аспекты политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н.э. по нумизматическим данным” (с. 68–87) относит черняховский ареал к “территории восточноевропейского Барбарикума” (с. 68), что никак не соответствует концепции рецензируемого сборника (см. выше). В пределах днепро-донецкой лесостепной зоны автору известно более 135 пунктов находок римских монет, которые он группирует и пытается интерпретировать причины и даты их депонирования. Благодаря картографированию нумизматических находок автор выделяет их четыре скопления (с. 71) и выделяет, в частности, торговый Муравский шлях. Автор предполагает, что часть серебряных вещей, встреченных в черняховском ареале, являлась импортами, а не изготавливалась местными мастерами из монетного серебра, как считают многие исследователи (с. 73). Для восточной части черняховского ареала автор приходит к выводу о том, что в позднеримское время “...деньги уже выполняли роль товара-посредника” (с. 76). Этот вывод крайне интересен.

Петраускас О.В. выступил в сборнике со статьей “Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины” (с. 88–103). Титул статьи вряд ли удачен в связи с тем, что в черняховскую эпоху Украины еще не существовало. Автор в статье подробно описывает историю типологизации одной из категорий круговой черняховской посуды – кувшинов. Их типология, предложенная автором, поражает своей лаконичностью: типы 1–3 вместо 16 или даже 20 типов кувшинов, по Б.В. Магомедову. Описание типов и вариантов керамики автором осуществлено излишне экономно и без серьезной аргументации. Параллели данной категории черняховской керамики вне ее основного ареала автор не при-

водит. Массив материала (число единиц материала читателю не сообщается) автор разбивает по хронологическим этапам, датируя отдельные типы по взаимовстречаемости нередко лишь с одной-двумя датирующими вещами. Такой подход к датировке не всегда внушает доверие к выводам автора. Качество иллюстративного материала (рис. 1–6 лишены масштаба), сопровождающего статью, оставляет желать лучшего.

Подводя итог “сарматскому и черняховскому блокам” статей, следует отметить, что большая часть составляющих их материалов представляет собой или требующие дальнейшего осмысления первичные публикации, или размышления и дискуссии авторов со своими отсутствующими в сборнике оппонентами. Возможно, лучше дело обстоит в следующем блоке статей – “германском”.

Этот “блок” открывает изданная по-немецки статья археолога из Вильнюса Расы Баните-Ровелл «Металлические миниатюрные детали убора из западнолитовского могильника римского времени в “германском” и “сарматском” контексте» (с. 104–121). Странно то, что этот текст в отличие от представленных ниже статей других иностранных коллег так и не был переведен на русский язык. В этом случае оставшиеся читателю неизвестными редакторы смогли бы исправить неправильно употребленные названия топонимов *Sambia* (нем. *Samland*) и *Natanga* (нем. *Natangen*) (с. 104). Более мелкие ошибки, простительные для литовского переводчика на немецкий язык, здесь не приводятся. Данная статья посвящена публикации малых деталей женского убора, обнаруженных при раскопках грунтового могильника *Vaitai* (очевидно, Клайпедский район Литвы, о чем забыла упомянуть автор статьи). Эти находки типологизированы в соответствии с системой З. Блумбергс. Публикация традиционно для литовской археологии основательно подготовлена. Пожалуй, впервые в сборнике автор статьи попыталась показать влияние сарматского мира на германские древности. Правда, германское происхождение комплексов могильника *Vaitai* так и осталось недоказанным. Автор считает, что традиция украшения одежды множеством псевдо-жемчужных накладок является сарматской по своему происхождению и наследована от скифов. Правда, известно на могильниках *Vaitai*, *Vidgiriai*, *Hünenberg*/Гора Великанов и прочих погребальных памятниках юго-восточной Балтии финала римской эпохи микроскопические накладки-бляшки имеют не фигурные (как у скифов и сармат), а полусферические или сферо-конические формы. На с. 111 автор статьи уже отмечает аналогии между западнобалтскими и германскими микроскопическими бляшками. Это предположение выглядит более логичным, нежели поиски в окрестностях нынешней Клайпеды “сарматского” следа. Скорее всего, в местном уборе IV–V вв. н.э. видно германское или даже гуннское воздействие.

Далее следует статья “ответственных за выпуск издания” Радюша О.А. и Скворцова К.Н. “Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры” (с. 122–157). Статья в своей основе имеет доклад, крайне неудачно прочитанный вторым из его авторов в 2005 г. на XV Поморознавчей сессии в г. Эльблонге, где он подвергся критике со стороны автора данной рецензии как беспомощный и совершенно неподготовленный. Очевидно, авторы статьи попытались учесть многочисленные замечания рецензента, нашли силы через три года исправить текст своей работы и опубликовать его (правда, без указания страниц используемых научных работ). Однако многочисленных ошибок и досадных неточностей авторы все же не избежали. Их заявление о гибели или пропаже 90% фондов Музея “Пруссия” (с. 122) не соответствует действительности. В Калининграде с 1976 г., в Берлине – с 1991 г., а также в других городах нашего континента постоянно обнаруживаются сотни и даже тысячи предметов из этой прусской коллекции. Далее авторы представляют историю изучения деталей германских щитов начиная с работы Мартина Яна (1916 г.) (с. 123). Дав

высокую оценку типологическим изысканиям Н. Цилинга и Й. Илькьера на германском материале, авторы критикуют литовских и латвийских археологов, обратившихся к древним щитам, за дающиеся ими даты, которые “зачастую чрезмерно расплывчаты” (с. 124). К сожалению, это вполне объективно из-за отсутствия в немногочисленных в Восточной Балтии комплексах со щитами находок-хроноиндикаторов. В одной из публикаций автора рецензии, названного Радюшем О.А. и Скворцовым К.Н. почему-то сразу и советским, и российским автором (с. 124), а не просто русским, не понравились “таблицы с грубыми рисунками основных типов вооружений, в том числе и умбонами” (так у авторов на с. 124). Увы, но я использовал в основном старые немецкие литографии (как и на рис. 12 в рецензируемой статье). Правда, эта критика не помешала авторам использовать не опубликованные мною материалы, взятые (правда, почему-то далеко не полностью) из архива Института археологии РАН без моего уведомления и/или разрешения. Сомнительна публикация данных о погр. 64, 65, 79А, 88, 152, 155, 176, 223 и 314 могильника Lauth. Данных о них нет ни в последнем из сданных в архив ИА РАН Скворцовым К.Н. отчетов о раскопках могильника Lauth (1999), ни в его публикации раскопок этого могильника (Skworzow, 2007. S. 111–219), подготовленной к публикации совместно с автором этих строк. Очевидно то, что опубликованные в сборнике комплексы могильника Lauth, раскопанные одним из авторов рецензируемой статьи, остались за пределами полевых отчетов (и тем более публикации). Такой принцип публикации материала находится, в свою очередь, за пределами традиций археологических исследований в России.

Если типологизация умбонных щитов на основании схем Н. Цилинга и Й. Илькьера достаточно проста, представлена авторами весьма кратко (таблица на с. 142 и 143, хронология погребений на ней совершенно не аргументирована), то с хронологией умбонных и их интерпретацией сложнее. Авторы, критикуя мою датировку ряда погребений могильника Dollkeim/Коврово (с. 125), делают это вскользь, без аргументов. Напротив, подробно описываются хронологические и типологические аспекты находок, сделанных на могильниках Lauth/Б. Исаков, Jauehnen/Алейка-3 и Gr. Ottenhagen/Березовка, в раскопках которых принимал участие Скворцов К.Н., один из авторов статьи. Правда, он вновь забыл спросить мнения о публикации данных об умбонах из могильника Jauehnen/Алейка-3, автором раскопок которого в 2005 г. являлся автор данной рецензии. К сожалению, не только в данной части статьи проявляя забывчивость ее авторов. В пассаже о “безусловных контактах со Скандинавией, прежде всего с Данией”, характерных для эстиев Самбии римского времени, авторы не ссылаются на ряд публикаций, в которых этот тезис звучит уже давно (Кулаков, 2001. S. 45–48; Кулаков, 2003. С. 242–247). Увлечшись рассуждениями о мутации форм щита, авторы не обратили никакого внимания на находки в интересующем их регионе рукоятей и оковок щитов начала нашей эры, не осветили место щита во внутренней структуре погребений эстиев I–V вв. н.э. На с. 130 авторы упоминают специфику щитов эстиев, связанную “с периферийным положением региона в Барбарикум”. Но как же тогда трактовать мнение Птолемея и А.В. Симоненко (с. 6) о пограничном расположении исторической Пруссии между Барбарикум и Сарматией? Неясно, откуда авторы взяли данные о числе членов общин обитателей Самбии римского времени (20–30 человек, с. 130). Этот, как и многие другие выводы, показанные в статье, голословен и должен быть подтвержден археологическими данными и мнениями специалистов. Авторы все время сравнивают роль щита у эстиев с ролью щита у германцев, признавая их весьма близкими. При этом этнос основной части эстиев, давно уже выясненный (Кулаков, 2003. С. 237, 238), авторам неизвестен. Неизвестной им осталась многая другая необходимая для научной статьи информация: необходимость правильных сносок на

архивные хранения (а не “архив Р. Гренца”, “архив Г. Янкуна”, “архив М. Яна”, неизвестно где и кем хранящиеся), обязательность благодарственных слов в адрес научного учреждения или ученого, предоставивших возможность авторам использовать в своей работе ранее не публиковавшиеся материалы, наконец, хронологический порядок размещения научных работ в списке литературы (с. 131), расшифровка таинственных сокращений типа “ПАВ”, “BRGZK” (с. 131) и прочая, и прочая... Уверен в том, что данная статья, как и доклад 2005 г., не готова для представления в научном издании. Кстати, судя по отсутствию соответствующего наименования на последней странице книги (с. 238), рецензируемый сборник научным изданием не является.

Далее в “германском блоке” следует замечательная по своей краткости (с. 158–165) статья В. Новаковского “Польские исследования раннего железного века, римского периода и эпохи Великого переселения народов на территории Вармии и Мазурского Поозерья”. Статья, содержащая телеграфное по своей краткости описание трех этапов археологических исследований на указанной выше части северо-восточной Польши, является, в сущности, русскоязычным резюме публикаций, ранее издававшихся автором за рубежами России (одна из них: Nowakowski, 2004. P. 65–102).

За статьей своего учителя представил свой материал П. Шиманский. Этот молодой варшавский ученый в статье “Курганный могильник судавской культуры в Червоном Двору возле Голдапа. Итоги исследований 2003–2007 гг.” (с. 166–179) представил в сокращенном виде по-русски с незначительными дополнениями основные положения своей статьи, вышедшей в Вильнюсе в 2006 г. (Шиманский, Годзеба, 2006. С. 43–53). Прежде всего, поражает низкое качество перевода статьи на русский язык. Вместо “Шиманский” следует писать “Шимански”, вместо “Червоный Двор” (в английском резюме – “Tehervony Dvur”) – “Червоны Двур”, вместо “стоянка” – “памятник археологии” и проч. С самого начала автор не объясняет, материалы из какой части могильника он публикует – из юго-восточной или из северо-западной (с. 166, 167). Неясно, в какие полевые сезоны эти участки могильника раскопаны. Находки описаны бессистемно, вне погребальных комплексов. Термин “поздне-римские сосуды” неприемлем к керамике “варваров” (с. 168). Погребальный обряд описывается также суммарно, с редким упоминанием номеров курганов (с. 168). Интереснейшие для археологии балтов поздние грунтовые погребения, выявленные раскопками в юго-восточном секторе могильника, описаны до обидного поверхностно. Параграф “Хронология развития могильника” не отвечает своему названию и не содержит никакой аргументации относительно датировки вскрытых польскими археологами погребальных комплексов. Параграф содержит противоречия в пределах одного абзаца: “Наиболее старые, датироваемые фазой C1 материалы могильника” и “(можно датировать. – В.К.) находки из самых старых курганов, вероятнее всего, лишь от фазы C2” (с. 169). Аргументации принадлежности могильника Червоны Двур к голдапской группе судавской культуры, заявленной в титуле последнего в статье параграфа, в нем найти не удалось. Напротив, автор неожиданно заявляет: “Весь поздне-римский керамический материал в принципе идентичен богачевскому” (с. 170). Финал статьи содержит размышления о характере голдапской группы, основанные на раскопках части могильника Червоны Двур, с публикацией материалов которого его автор, талантливый молодой польский коллега, явно поспешил в рецензируемом сборнике.

Далее в “германском блоке” следует изданная по-английски статья Б. Контны “Breves gladii et rotunda scuta. Замечания о вооружении готов в свете текста Тацита” (с. 180–209). В отличие от большинства статей, представленных в данном “блоке”, материал Б. Контны действительно связан с древностями одного из германских племен и представляет в основном данные, позволяющие воссоздать щиты как деталь оборонительного воору-

жения носителей вельбарской культуры и части скандинавских племен. Автор разделяет типы щитов по их форме (ромбическая, прямоугольная и круглая). Привлечение большого фактического материала позволяет Бартошу Контны сделать вывод о том, что на фазе С в Восточном Поморье преимущественно использовалась круглая форма щитов, появившаяся здесь под скандинавским влиянием. К сожалению, для раскрытия заявленной темы автор не привлек материал древней Самбии, который показал бы наличие готских традиций защитного вооружения и на Янтарном берегу, доживших здесь до завершения эпохи Великого переселения народов (Кулаков, 2007. С. 138, 139).

За статьей Б. Контны следует работа Нины Лау “Следы ритуальной порчи на элементах конского снаряжения из болотного памятника Торсберг” (с. 210–219). Данная статья является краткой, но добросовестной публикацией ряда ритуально поврежденных деталей конского снаряжения поздних этапов фазы С из озерного (ныне болотного) места жертвоприношения Торсберг (земля Шлезвиг-Гольштайн, Германия). Автор справедливо считает принесенные в жертву детали конского снаряжения инвентарем аллохтонов. Правда, Ниной Лау рассматривается единственная возможность попадания этих жертвенных даров в воду: “свидетельством присутствия победившего пришельцев местного населения являются... следы ритуально нанесенных в ходе обряда жертвоприношения повреждений” (с. 213). Иная точка зрения на происхождение этих ритуальных даров (Kulakov, 2001. S. 46, 47) автору осталась неизвестной.

Наконец, завершает “германский блок” статей и весь сборник текст П.М. Леуса “Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях” (с. 220–231). Статья посвящена теме, слабо известной отечественным ученым (с. 220). П.М. Леус не находит возможности обозначить в ряде ссылок автора и титул статьи, ограничиваясь лишь наименованием журнала (например: *Altshlesische Blätter*, с. 220). Текст статьи наполнен самой разнообразной информацией, зачастую практически беллетристического характера. Здесь даже рассказывается о находке в Кведлингбурге германского короля Генриха I Птицелова (876–936 гг.). В статье нет главного – исчерпывающего и снабженного фактической информацией описания тех многочисленных раскопок, которые в 1941–1943 гг. вели немецкие археологи на огромных пространствах оккупированных областей СССР от Пскова до Крыма. Эта информация довольно подробно представлена в немецкой археологической литературе, кстати, известной автору (в частности, журналы *Alt-Preussen* и *Germanen-Erbe*). В первом из них один из немецких археологов, проходивший в составе подразделения Вермахта по Литве, хладнокровно отмечал сходство сожженных крестьянских домов постройки начала XX в. с остатками древних жилищ, открываемых в ходе раскопок. Даже такие замечательные, актуальные для современной археологии Украины сюжеты, как исследования немецкими оккупантами черняховских могильников в Поднепровье, не привлекли автора статьи. Напротив, П.М. Леус сконцентрировался на издании в виде приложения к своей статье текста «Карл Энгель. Год археологической работы в “Остланде”» (с. 232–235). Правда, этот текст носит скорее мемуарный характер, его фрагменты, конкретные данные о состоянии музеев и памятников археологии в Балтии после ухода оттуда в 1941 г. советских войск – зачем-то автором исключены из публикации. Главное то, что отсутствуют дата составления этого важного документа и данные о месте его архивного хранения. Можно лишь догадываться, что, наверное, немецкий текст воспоминаний К. Энгеля, оставившего заметный след в археологии Балтии и, в частности, в изучении прусских древностей, был получен автором публикации в Институте Гердера (г. Марбург), где совсем недавно был открыт рукописный фонд К. Энгеля. Однако ни этой информации, ни элементарной благодарности архивным работникам, позволившим опубликовать текст К. Энгеля, П.М. Леус не счел нужным поместить в своем приложении. Это, несомненно, слабо совместимо с элементарной научной этикой.

магии, ни элементарной благодарности архивным работникам, позволившим опубликовать текст К. Энгеля, П.М. Леус не счел нужным поместить в своем приложении. Это, несомненно, слабо совместимо с элементарной научной этикой.

В статье есть и мелкие технические неточности. Для автора или безымянных редакторов рецензируемого сборника осталось неизвестным то, что при обозначении страниц в сносках на немецкие издания позиция “с.” – “страница” – обозначается не как “s.”, а как “S.”.

В итоге стало ясно, что, за редким исключением, статьи в рецензируемом сборнике мало соответствуют его тематике (кстати, весьма смутно обозначенной авторами “Предисловий”), в разной степени (как правило, довольно слабо) раскрывают отдельные черты древностей населения Германии и Сарматии Птолема. При этом между регионами, подвергшимся исследованиям авторами статей сборника, зачастую пролегают тысячи километров. Соответственно впечатление о связях между населением регионов Германии и Сарматии на основании статей авторов (в основном молодых и не обремененных опытом научной работы) отсутствует.

После прочтения “сборника материалов” “*Germania – Sarmatia...*” складывается устойчивое впечатление о беспомощности “ответственных за выпуск издания” Радюша О.А. и Скворцова К.Н., об их крайне слабой ориентированности в научной и тем более издательской проблематике. Очевидно то, что этим молодым людям рано реализовать себя в качестве редакторов и дизайнеров, выпускающих сборники статей. Однако наличие зарубежного и отечественного спонсоров, а также ослабление ранее жестких норм, предъявляемых к выпуску научной литературы, дали возможность выйти в свет “сборнику материалов”, который явно не украсит полки научных библиотек и книжных собраний археологов Европы. Правда, следует указать “ответственным за выпуск издания” на то, что самореализация в науке или в сомнительном книгоиздательстве – далеко не одно и то же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.
- Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004.
- Кулаков В.И. Генезис трилистных фибул и умбоновидных подвесок // *Lietuvos Archeologija*. 2007. Т. 32.
- Скворцов К.Н. Отчет о работе Самбийско-Натангийского отряда Балтийской экспедиции ИА РАН о раскопках могильника Лаут в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. № 23285.
- Шиманский П., Годзеба Л. Могильник судавской культуры в Червоном Дворе – предварительные результаты исследований в 2003–2005 гг. // *Archaeologia Lithuana*. Т. 7. Vilnius, 2006.
- Kokowski A. Przyczylek do historii kontaktów Germanów i Sarmatów w świetle badań archeologicznych // *Sarmaci i Germanie. Studia Sarmatica*. Т. I. Lublin, 2004.
- Kulakov W. Jütland-Dobrukscha: die Rochade der “Barbaren” vom 2. bis 4. Jh. Chr. // *Archaeologia Bulgarica*. Jg. V. Н. 2. Sofia, 2001.
- Nowakowski W. Three centuries of Balt archaeology in East Prussia // *Archaeologia Polona*. V. 42. Warszawa, 2004.
- Skworzow R. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol’schoje Isakowo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. Bd. 61/62. 2004/2005 (2007). Kiel, 2007.

В.И. Кулаков